

4. Филиппович А. В. Лингвистический поворот // Постмодернизм. Энциклопедия. Мн., 2001.
5. Флоренский П. А. Имена. М., 2001.
6. Флоренский П. А. Мысль и язык // Флоренский П. А. Сочинения. Т. 2. У водоразделов мысли. М., 1990.

ИРОНИЯ КАК ФЕНОМЕН ЕВРОПЕЙСКОЙ КУЛЬТУРЫ: ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ РОМАНТИЗМА И ПОСТМОДЕРНИЗМА

Т. В. Медведок

Ирония в качестве философской и эстетической категории обретает центральный статус в философии постмодерна, где постулируется идея невозможности ни оригинальности на творческом уровне, ни первозданности на уровне онтологии. Тщательное рассмотрение данного феномена, репрезентированного в современной модели философствования, обнаруживает немалое сходство с толкованием иронии, предложенным в свое время представителями романтизма. Историко-философский анализ, посвященный сравнительному изучению особенностей иронии в постмодернизме и концепции романтиков, не только проливает свет на понимание иронии как феномена культуры, но и позволяет выявить традицию преемственности ее основоположений в философии.

Романтическая ирония зачастую изображается как своеобразный итог фихтеанского субъективизма, доведенного до крайности, что, по существу, является неполным и ошибочным трактованием романтизма В. Ф. Гегелем. Романтики не стоят на позиции самодостовверного Я – для них свойственно сомнение относительно чистой самосознательной субъективности, возведенной в абсолют И. Фихте. Если для представителей романтизма в сознании и существует нечто, неподверженное акту сомнения, так это, в первую очередь, его открытость и готовность идти на встречу таинственному и самозаконному, не тождественному ему миру. «Подлинное различие между нашей и фихтевской философией заключается в том, что И. Фихте говорит: Я – это одновременно и субъект и объект, тогда как на нашем языке ему следовало бы сказать: я становится объектом для себя самого», – отмечал Ф. Шлегель, допуская трактовку Я как части объективного мира [1, с. 155].

Для романтиков уже не существует более предметов как данностей; объективные связи трактуются ими неоднозначно, причем среди многочисленных отношений невозможно выделить определяющие. Все в одинаковой степени заслуживает внимания, «благодаря чему именно и возникает тот чудесный романтический порядок, который не взирает ни на ранг, ни на достоинство, первые то будут вещи или последние, великие или малые» [2, с. 102].

Отношение к мысли оказывается тождественным отношению к личности у романтиков: они протестуют не только против мелочной опеки человеческой жизни, но и возражают относительно стремления регламентировать мысль, втиснув ее в рамки целесообразного использования внутри той или иной конструкции метафизического порядка. Если для представителя Просвещения мысль – это параграф, то для романтика она фрагмент, потенциальное множество интерпретаций и выводов.

Романтическая ирония – это культура воздержания от практических философских рекомендаций, от поспешных и несколько преждевременных решений морально-политического характера, на которые не скупились идеологи Просвещения. Точно так романтики истолковывали скептическое сомнение, заставляющее мыслителя в очередной раз редактировать найденный вариант решения. «Настоящий скептик стремиться задержаться в этом состоянии, пребывать в нем, считая это даже добродетелью, ибо оно предстает ему состоянием резиньятии. покоя и самоограничения», – писал Ф. Шлегель [1, с. 115].

В постмодернистском типе философствования происходит отказ от главенствующего положения субъекта в любых версиях его артикуляции. Если классическая культура была представлена господством объективизма, художественный модернизм характеризовался выдвижением субъективизма, то в рамках постмодернизма феномен субъекта выступает в качестве проблематизации. Для собственной версии обозначения субъекта характерна радикальная децентрация индивидуального, проводимая под лозунгом «смерть Субъекта».

Провозглашение децентризма в качестве фундаментальной установки, основывающейся на радикальной критике классических представлений о структурности, вызывает отказ от презумпции наличия особенных точек и осей пространственной среды и семантической области. В децентрированном пространстве теряется избранность любых артикулированных точек, поскольку оно перестает восприниматься как система мест.

Символом иронии постмодернизма становятся кавычки, задающие многоуровневую возможность прочтения текста, реально существующего в качестве феномена интертекстуальности. Каждый текст представляет собой новую ткань, созданную из старых цитат. Ставятся кавычки или они отсутствуют, узнает читатель источник, на который ссылается автор, или нет, сможет понять иронию автора и как выстроит собственное ироничное отношение к тексту, – все это задает в постмодерне неограниченную свободу языковых игр в поле культурных смыслов.

Постмодернизм преодолевает романтическую невозможность выбора и заменяет ее осознанием относительности своего языка и дискурса,

что дает возможность осуществлять коммуникацию в другом языке и взаимодействии с другим дискурсом в ситуации программного плюрализма.

Таким образом, ирония, заявленная романтиками, или имеющая место в условиях постмодернистской культурно-символической вторичности означивания, является своеобразным знаменем времени и подлинным признаком развития культуры.

Литература

1. Шлегель Ф. Эстетика, философия, критика: В 2 т. Т. 1. М.: Искусство, 1983. 479 с.
2. Литературные манифесты западноевропейских романтиков. М.: Изд-во МГУ, 1980. 638 с.

ІНВАЛІДНАСЦЬ ЯК САЦЫЯЛЬНЫ ФЕНОМЕН

І. В. Пархоменка

Сённяшняе бачанне інваліднасці як з'явы, якая патрабуе пільнай увагі і клопату з боку грамадства, дазваляе зрабіць вынікі, што сучасны погляд на інваліднасць мадэфікаваўся ў бок гуманізацыі і пераасэнсавання былых уяўленняў па гэтай праблематыцы. Аднак яшчэ наўрад ці магчыма казаць пра аднолькавае разуменне сутнасці інваліднасці як асобнымі, так і звычайнымі грамадзянамі.

Успрымаючы інваліднасць як феноменальную з'яву, грамадства паранейшаму працягвае ставіцца да інвалідаў як да асобнай сацыяльнай групы: **яны**, а не **мы**, паводле прынцыпу, што іх праблемы не маюць нічога агульнага з нашымі [3, с. 75]. Падобная тэндэнцыя стаўлення да інваліднасці асабліва характэрна для краін, якія развіваюцца, і яна будзе захоўвацца да таго часу, пакуль інвалід не стане ўспрымацца як звычайны грамадзянін (а не дэвіант), які, аднак, патрабуе пэўнай увагі і клопату з боку розных колаў грамадства.

Выходзячы на пошук шляхоў вырашэння праблем інвалідаў, кожнае грамадства першапачаткова пераадольвае шэраг унутраных стратыфікацыйных праблем: менш відавочнай становіцца мяжа паміж сацыяльнымі групамі інвалідаў і звычайных грамадзян, адбываецца двухбаковы працэс інтэграцыі (інвалід – грамадства, грамадства – інвалід), скасоўваюцца былыя стэрэатыпы і погляды. Пасля гэтага інвалід праходзіць шлях адаптацыі да новай ролі ва умовах сацыяльна роўнага становішча з усімі грамадзянамі і прызвычайваецца да разумення сваёй паўнацэннай сутнасці і запатрабаванасці.

Паспяхова праходзячы такі шлях грамадства становіцца на новую ступень у сваім сацыяльным развіцці, і інваліднасць у гэты момант высту-